

Василь Быков.

группу самых разных людей, которые покорно принимают смерть. Герои рассказа «На Черных льдах», несколько уцелевших бойцов из отряда, пытавшегося отстоять Белорусскую Народную Республику в конце 20-х годов, обложивших в лесу большевистскими силами, добровольно уходят из жизни. Эта трагическая нота режет душу особенно сегодня, когда так остро стоит вопрос о способности нашего народа к жизнестроительству.

— Вся наша история соткана из драматизма

Василь Быков: «Вся наша история соткана из трагизма»

С писателем беседует Семен Букчин

и трагизма. Так получалось, что каждая подвижка нашего национального сознания, общественного уклада заканчивалась для нас трагически. Это было и в далеком прошлом, ну а что касается нашего времени — этот трагизм очевиден, он вершится сегодня на глазах всего мира. Естественно, что все эти события не могут не вызвать от- тем более.

— Если бы рассказ «Желтый песочек» разбирался в критике советских времен, даже перестроечных, то, наверное, было бы сказано следующее: да, сама ситуация и герои Быкова достаточно жизненные, но почему же Быков отказывает своему народу в сопротивлении, почему так покорны судьбе его герои?

— В том, что я пишу, исхожу из реалий жизни. В 30-е годы, время действия рассказа, борцов-то и не было. Со сталинизмом, с тоталитаризмом в Беларуси в то время никто не боролся. Героев не было. Финал был один, поскольку Молох требовал жертв. И этими жертвами становились самые обычные люди из разных социальных слоев. Это была кровавая баня, в которой, кстати, гибли и палачи.

Что касается поведения героев моего рассказа, нескольких человек, которых везут из тюрьмы за город на казнь, то они действуют согласно логике здравого смысла. Они понимали, что их ожидает, но выхода не видели. Негде было скрыться, некуда было убежать в то время. Карающая рука сталинской диктатуры настигала всюду. Воли к сопротивлению не существовало вообще, поскольку люди не понимали, что происходит, не считали себя в чем-то виновными. И еще была надежда. Ее великолепно использовали, кстати, и большевики и фашисты. И человек, зная, что он обречен, тем не менее хватался за кончик надежды, и это окончательно парализовывало его волю к сопротивлению. И вот эта человеческая надежда на справедливость позволяла по сути одному человеку справляться с целой группой нормальных мужиков.

— Десять лет отделяют события в «Желтом песочке» от событий в рассказе «На Черных льдах». И ваши герои в рассказе «На Черных льдах» — это ведь не запуганные, парализованные советские граждане конца 30-х годов. Это, что называется, люди с оружием в руках. Насколько исторически оправдан их добровольный, коллективный уход из жизни, этот мотив обреченности еще в конце 20-х годов, который опять-таки метафорически воспринимается как конец надежды на новую Беларусь и даже как конец самой Беларуси?

— Конечно, не для всех белорусов, но для некоторой части нашего общества уже в конце 20-х годов и даже раньше все стало ясно. Что такое большевики, стало понятно уже в конце 1917 года, когда в Минске Белорусский конгресс, на котором собралось более двух тысяч делегатов, избранных по всей стране, был разогнан большевистскими войсками. Некоторые делегаты были расстреляны, арестованы. То же самое произошло с объявленной в марте 1918 года Белорусской Народной Республикой. Ни с какими зачатками, элементами демократии большевистская сила не считалась. И жестоко подавляла малейшее стремление к независимости Беларуси. Восстания против большевистского насилия в тогдашней Беларуси было немало. Тогда люди впервые увидели всю бесчеловечность «строителей новой жизни», поскольку они вели не только борьбу с теми, кто оказывал им вооруженное сопротивление, но брали заложников среди мирного населения, брали целыми семьями. Уже в 20-е годы семьи подвергались репрессиям и вывозились на север. Поэтому мои герои, принимая трагическое решение уйти из жизни, отлично понимали, что ожидает не только их самих, но и их близких. Уход из жизни — это прежде всего попытка спасти своих родственников.

— А какова судьба фильма, снятого по этому рассказу?

— Года четыре назад режиссер «Беларусьфильма» Валерий Пономарев снял картину «На Черных льдах». В основу сценария легли два рассказа — «На Черных льдах» и «Перед концом». Фильм снимался при очень большом сопротивлении начальства, министерства культуры, руководства киностудии. Не давали денег, режиссер собирал средства с помощью спонсоров. И тем не менее работу закончили. Когда назначили общественный просмотр в киноте-

атре «Москва», на который были проданы билеты, пленка вдруг исчезла. Фильм попросту украли на киностудии, украли, естественно, по указанию начальства. Объясняли, что в связи с исчезновением ленты сеанс не состоится.

Потом оказалось, что фильм находится в сейфе, под арестом на студии. И вот до сих пор фильм никуда не вывозят, никому не показывают, в прокат не пускают.

— Хотите спросить вас о вещах более общего характера, но тем не менее весьма существенных. Изменилось время — изменилась и роль литературы в обществе. Это ясно. Мой покойный друг, известный польский литератор Анджей Дравич как-то сказал, что прежняя, учительная, воспитательная роль литературы ушла, нынешняя литература — это некий сад игр, художественных изысков.

— Я полностью согласен с Дравичем. Литература в ее прежнем, классическом виде, в том качестве, в котором она существовала для старших поколений, по крайней мере, может быть, в течение двух столетий, если брать российскую историю, изжила себя. Придет, наверное, другая литература. Но это не будет литература высокой культуры, высокой духовности. Это будет литература от-

дыха, развлечения, своего рода уик-энда. Книжку будут брать с собой на выходной, в поезд, чтобы убить время, чтобы насладиться некими красивыми и описаниями. А если это все же будет драма, то непременно с хорошим концом, как в американских фильмах. Поэтому литература потеряет свое драматическое начало, а вместе с ним и функцию катарсиса, некоего духовного очищения, просветления человека. Она будет тревожить слегка и обязательно успокаивать читателя, никак не влияя на его аппетит перед обедом.

— Выходит, можно говорить о том, что и русская литература, и литературы бывших советских республик как бы присоединяются к судьбе литературы на Западе...

— В смысле культуры у нас уже давно законодателем мод является Запад, прежде всего Америка. Масс-культура идет оттуда, она диктует свои нормы и стандарты и охватывает все большие территории на востоке. Ведь даже Япония американизируется очень активно. Вряд ли можно надеяться, что наша постсоветская литература избежит этих мощных влияний.

Кроме того, в последние годы произошел поединок между двумя силами — видео и аудио. Видео победило окончательно. Очень многое из традиционной культуры было захвачено видеокulturой. Телевидение работает почти круглые сутки — соответственно, оно и царит в головах. Его информационные возможности и не снисли печатному слову. А тут еще Интернет... Поэтому массы людей отвернулись от книги и ушли в телевизоры. Они получают теперь информацию в невообразимо больших объемах и, главное, без всяких усилий. Информация эта заполняет сознание потребителя, минуя какие-то очень важные нравственные центры. Этим обстоятельством и воспользовались сатанинские силы.

— Что вы имеете в виду под «сатанинскими силами»?

— Я, конечно же, подразумеваю не некие inferнальные фигуры, а силы политические, антидемократические, антинациональные, стремящиеся к обожествлению общества, к навязыванию ему своих идей и ценностей, своей системы поведения. Силы, направленные против человека и человечества.

Увы — сегодня умами владеет телевидение. Оно может и сбросить, и вознести, провести, как надо, выборы. Оно диктует человеку мысли, нормы поведения.

— Что же все-таки с культурой? У Чеслава Милоша есть книга, называющаяся «Острова». Островами он называет западные, прежде всего американские, университеты, студенческие кампусы, где сегодня оседает и формируется культура. И, может быть, они будут соединяться между собой некими перешейками, и благодаря этому способу существования культура устоит. Но только в тех странах, где есть сильные университеты, университеты-государства. А что же нас ждет, в которой Беларуси? И вообще на том пространстве, которое называют постсоветским?

— Да, на Западе, как говорит Милош, существуют эти острова элитарной культуры в океане того же масскульта. Но у нас нет даже зародыша этих островов. Но и океан массовой культуры нас еще не захлестнул. Тут еще идут серьезные глобальные процессы. Возможно, им уготовано западное направление. А может быть, и что-то новое, если не из элитарной, то из каких-то субкультур. Впрочем, я не специалист, да и вообще это дело будущего. А будущее мало кому удавалось точно предсказать...

— Для меня газета «Наша ніва» и все, что делают молодые белорусские интеллектуалы сегодня, — это тоже своего рода белорусский остров. Есть, кстати, и другие белорусские острова...

— Конечно, традиционно принято полагаться на молодежь... Но ведь молодежь никогда не оправдывает надежд стариков, она всегда идет своим путем. Лучшим или худшим, но всегда иным. Но и сам этот путь возможен в условиях демократического общества. В условиях тоталитаризма молодежь ничего не может изобрести и отстоять, она всегда будет подчинена старикам, могучей силе давящего на нее государства. Поэтому у нас трудно полагаться на молодежь, трудно рассчитывать, что она отстоит что-то из общечеловеческих ценностей. Одних сломают репрессии, других купят, как это и было в советское время.

— Но сегодня историки и публицисты, отмечая тридцатилетие мощных студенческих волнений на Западе, говорят о несомненном влиянии молодежи на дальнейший ход жизни в западных государствах.

— Это Запад. Другие традиции, другая история, другая кровь... Другая культура. Советская молодежь, кстати, не произвела никакой культуры, кроме большевистской. Поэтому, что касается Беларуси, многое будет зависеть не столько от молодежи, сколько от общего состояния нашего общества, от того, в какую сторону оно сделает поворот. А культура теснейшим образом зависит от экономики, которая у нас сегодня не кризисная, а катастрофическая. Так что трудно предсказать не только что случится в будущем столетии, но даже через год. Может быть, у нас повторится Албания или Сербия. Я имею в виду не только Беларусь, но прежде всего пространство, именуемое теперь бывшим Советским Союзом.

— Не очень оптимистический прогноз. Но ведь мы привязаны к России...

— Очень многое будет зависеть в белорусской ситуации от России, к которой Беларусь пристегнута намертво. К сожалению, разумеется. Потому что исторический опыт говорит о редких подвижках России в прогрессивную сторону. Чаще всего она раздираема катаклизмами самого разного толка. И все это, конечно, так или иначе отзывалось и будет отзываться на Беларуси. Все будет зависеть от идеологического, политического состояния российского общества. Если Россия станет демократическим государством, то, конечно, легче будет и Беларуси достичь и подлинной независимости, и свободной экономики.

— Как вы относитесь к тому, что русская литературная критика и перестроечных и самых новейших времен постоянно включает вас в русский литературный ряд?

— Я не думаю, что нужно доказывать, что я прежде всего белорусский писатель — по творчеству, по жизни, по языку... Но если мои идеи, мои образы, мое творчество стало близким российскому читателю, то я могу быть только доволен этим обстоятельством. Тем более что эта близость исходит прежде всего от демократически настроенных кругов российского общества. Вот если бы меня стали хвалить и зачислять в свои ряды нынешние российские шовинисты, то у меня, несомненно, был бы серьезный повод для тревоги. Но с самого начала меня в России приняли и поддержали, если можно так сказать, литературные демократы, шестидесятники, журнал «Новый мир» Твардовского и те круги интеллигенции, которые группировались вокруг него.

— У вас были встречи со многими замечательными людьми того времени. Сейчас опубликовано немало воспоминаний о той же «новомирской» среде. Но пока мне что-то ничего не попало из вашей мемуаристики...

— В воспоминания я не ударился. Хотя у меня есть, как у каждого пожилого человека, желание написать, припомнить, как все было... Но пока я за эту работу еще не принимался. И если судьба даст мне еще некоторый срок, может быть, я и напишу о тех временах, потому что видится мне в них что-то значительное и важное...

17.06.98

Быков Василь